

Решетников Михаил Михайлович,
Ректор Восточно-Европейского Института Психоанализа,
доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор,
г. Санкт-Петербург

КЛИНИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХИАТРИЯ)

*«Не страшно быть опровергнутым,
страшно быть непонятым»
И. Кант*

Введение

В середине 90-х в процессе моей работы в составе миссии Фонда президента США Дж.Картера по урегулированию российско-эстонского конфликта в Нарве, мой коллега и друг – известный американский психиатр и психоаналитик профессор Вамик Волкан, огорченный непримиримой позицией сторон, как-то сказал мне, что «все межнациональные конфликты развиваются по сценарию паранойи». Эта фраза каким-то образом «засела» во мне, но все не удавалось ее осмыслить и додумать, впрочем, как и отыскать ее развитие в работах В.Волкана. Тем не менее, исходно эта идея принадлежит ему. Поскольку это пишется не только для психопатологов, мне нужно хотя бы кратко и, по возможности, простым языком дать читателю некоторый минимум сведений о паранойе, а уже затем перейти к межнациональным конфликтам. При этом, чтобы избежать излишних эмоций (которые всегда – плохой советчик), я не буду апеллировать к российскому настоящему или прошлому, хотя примеров такого рода в отечественной истории более чем достаточно.

Паранойя

Паранойя относится к моносимптоматическим психическим расстройствам, так как единственным ее проявлением является устойчивый и не изменяющийся бред. При этом ложные мысли и идеи пациента имеют обыденное содержание, то есть – чаще всего отражают ситуации, встречающиеся в реальной жизни: пациент считает, что его преследуют, обманывают, изменяют ему, пытаются унижить, подчеркнуть его неполноценность, отравить или заразить чем-либо или даже уничтожить. Встречается бред и «позитивной» окраски: пациент убежден в своей особой значимости или особой миссии, или любви к нему другого человека, как правило, занимающего высокое общественное положение (вплоть до Бога). Характерная особенность: вне этого «узко сфокусированного» интеллектуального расстройства у пациентов обычно нет никаких нарушений поведения, странностей или причудливостей, и нередко они демонстрируют весьма высокие социальные достижения. Никаких органических заболеваний или повреждений мозговой ткани, которые могли бы быть причиной расстройства, у таких пациентов не выявляется, впрочем, как и связи патологических нарушений с приемом алкоголя, наркотиков или других психоактивных вещества. Генетический фактор расстройства также не установлен. И в настоящее время общепризнанно, что основные причины бредовых расстройств относятся к психосоциальным, а главными провоцирующими моментами являются: психические травмы, особенно – случаи унижения, физического или психического насилия в далеком прошлом (преимущественно – в детстве), жестокость и отсутствие заботы со стороны родителей, их чрезмерная требовательность к ребенку или ориентация его на непосильные достижения. В результате нормальное чувство базисного доверия не формируется, и такая личность оказывается исходно ориентированной на ощущение враждебности ближайшего окружения или всего мира, но в большинстве случаев выраженной патологии выявляются «особо опасные» лица или «специфические» для данного пациента группы лиц или

зоны отношений, в том числе к тем или иным представителям государственных структур или власти в целом.

Немного истории

Современная клиника паранойи существенно схематизировалась и многие исходные полутона этого расстройства почти утрачены. А они представляются достаточно существенными. Как самостоятельная форма психического расстройства паранойя впервые упоминается в середине XIX века, при этом уже тогда считалось установленным, что она всегда возникает вторично, после предшествующих аффективных травм. 1868 г. немецкий врач В.Зандер на основе своих клинических наблюдений делает важный вывод. В частности, что паранойя обычно развивается постепенно, «совершенно также, как у других людей складывается их нормальный характер», и возникает и проявляется как итог завершения психического развития конкретной личности. Позднее Э.Крепелин расширил перечень предрасполагающих факторов, дополнив их одиночеством, житейскими неудачами и разочарованиями. В результате, как писал Крепелин, формируется «склонность оценивать и толковать жизненные опыты более или менее произвольным образом, с чисто личной точки зрения, приводить их в связь с собственными желаниями и опасениями», при этом «религиозные направления мыслей ведут ... к убеждению в избранности Богом, соединяющемуся со склонностью публично проповедовать и искать последователей, что довольно часто и удается». Здесь Крепелин одним из первых сообщает о передаче болезненных расстройств от одной личности к другой, именуя это «индуцированным помешательством», что вообще чаще всего случается при паранойе. При этом сомнения и предположения постепенно превращаются в уверенность и затем в непоколебимое убеждение. Уже в начале XX века большинство специалистов пришли к заключению, что паранойя представляет собой не болезнь, а, как уже отмечалось, «своеобразное развитие личности», с чем (после длительной полемики с Гохе) отчасти согласился и сам Крепелин. И хотя этот тезис все еще считается дискуссионным, тем не менее, все большее число специалистов, вслед за Карлом Яспесом, признают, что «грань между психопатологией аномальных личностей и характерологией стерлась». В 1918 году Э.Крепелер выделил отдельный тип «параноиков борьбы», когда бред выступает в форме «активного утверждения собственной правды перед лицом окружающего мира», и было особенно подчеркнуто, что это расстройство нередко начинается вследствие какого-то постыдного или унижительного переживания.

Описание случаев

Описание случаев паранойи составляет один из самых трагических и самых впечатляющих разделов психиатрии, который в настоящее время многократно тиражирован в кинематографе. Но поскольку это все-таки не история психиатрии, здесь уместно обратиться только к результатам изучения некоторых классических случаев (Рольфинка, Вагнера и Шребера, которые описали Крепелин, Ясперс и Фрейд). Во всех этих случаях легко обнаруживаются идеи преследования, несправедливости, социального унижения с последующей трансформацией в поиски правды, мести и возмездия, реализуемые в том числе в виде серийных убийств (ни в чем не повинных людей при полном отсутствии чувства вины и раскаяния, а нередко - и страха наказания за свои злодеяния), а также идеи мессианства, жертвенности, мученичества и смерти во имя искупления, как способ приближения к Богу.

Социальная патология

В работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я» Фрейд высказывает революционную, по сути, идею о необоснованности противопоставления индивидуальных и массовых психических феноменов, и подчеркивает, что в этом противопоставлении «...многое из своей остроты при ближайшем рассмотрении теряет», в силу чего психология отдельной личности «...с самого начала является одновременно также и психологией социальной...». Одновременно Фрейд дополняет этот вывод тезисом о необходимости учета культурно-

исторических аспектов, так как массовая психология должна рассматривать каждого отдельного человека не как самостоятельного субъекта, а «...как члена племени, народа, касты, сословия, институции...», и особо подчеркивает, что «в отличие от отдельного индивида, масса (народ, племя) всегда более «импульсивна, изменчива и возбудима... Импульсы, которым повинуются масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения... Она [масса] чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного»...

Содержание гипотезы

Мне нечего здесь дополнить, а все предлагаемое мной новое – заключается только в попытке распространить эту идею не только на психологию масс, но и на патологию масс, и с учетом предыдущего раздела, сформулировать представление, что при наличии в истории народа тяжелой психической травмы, связанной с (национальным) унижением, через какой-то достаточно длительный период могут «вызреть» те или иные ложные идеи (или идеи отношения), которые, при наличии сопутствующих условий (дополнительных негативных экономических, социальных или политических факторов), затем превращаются в непоколебимую убежденность конкретного народа или этнической группы в своей правоте, избранности Богом, а также – в особой мессианской роли в сочетании с идеями гордости, величия и самопожертвования во имя искупления или отмщения, при этом такая мессианская роль может приобретать самые жестокие формы реализации. Я понимаю, что это слишком уязвимое предположение (особенно в тезисном изложении его обоснования) и уверен в том, что оно будет подвергнуто самой беспощадной критике, тем более, что в нем легко угадывается конкретная феноменология (но я бы взял смелость распространить это предположение на все некогда гонимые, колониальные или полуколониальные народы, которым затем была дарована свобода, возможность вернуться на свои исторические родины и очень скоро ощутить себя на обочине истории и цивилизации).

Понимающая психология

В этом разделе я еще раз обращаюсь к идеям, сформулированным в двух предшествующих разделах. Никто уже не оспаривает, что основы личности, ее отношений и установок закладываются в раннем детстве, где особую роль играют мифы, предания, традиции и культура, на основе которых формируются психологические идентификации. И эти идентификации всегда имеют национально-историческую (всегда, отчасти – нарциссическую) окраску и специфику... Основы понимающей психологии, как мне представляется, наиболее фундаментально, были сформулированы Фрейдом и Яспером. Фрейд, в частности отмечал, что «идентификация представляет собой самую первоначальную форму эмоциональной связи» с отцом, матерью, родом, племенем, народом. Или, как писал об этом Карл Ясперс: «Каждый человек есть то, что он есть, только потому, что в свое время был заложен совершенно определенный исторический (то есть не просто общечеловеческий) фундамент». И далее Ясперс утверждает, что «реальная психическая жизнь немислима вне традиций, передаваемых ему через ту человеческую общность, среди которой он живет», так как именно «в контексте традиции любая вещь или явление... обретает свой язык», при этом унаследованные через традиции признаки могут длительное время не проявляться, но затем, даже через несколько поколений, при воздействии способствующих условий они могут обнаружить себя во всей полноте. «В сфере наследственных связей ничто не забывается». Фрейд особенно отмечает, что при исследовании любых феноменов в жизни народов «приходится считаться с подобным мотивом, стремящимся вытравить воспоминания обо всем, что тягостно для национального чувства». Увы, чаще всего «вытравить» не удастся, так как это не имеет никакого отношения к логике, а существует и действует исключительно в сфере иррационального и проявляется в форме отыгрывания и отреагирования.

Передача следующему поколению

Здесь мы обратимся к работам уже упомянутого в начале Вамика Волкана, в частности, к его недавней статье «Травматизированные общества» (2003). Волкан обращает внимание на то, что при исследованиях национальных аффектов и массовых психических травм (нанесенных враждебной группой), особое значение приобретают механизмы передачи следующему поколению. После Второй Мировой войны, в процессе коррекции психического статуса узников концлагерей, в том числе – детей, было проведено множество исследований по изучению «передачи следующему поколению», в процессе которых было установлено, что от родителей детям передается нечто большее, чем просто тревожность или другие аффекты депрессивного или маниакального характера. - Дети выживших (после национальных трагедий) гораздо глубже идентифицируются с родителями, и проявляют признаки и симптомы, относящиеся к прошлым психическим содержаниям их родителей и в целом – к прошлому (свидетелями которого они не были и быть не могли). Эта концепция «идентификации» хорошо известна как в психоанализе, так и за его пределами. Главное в этой концепции состоит в том, что подвергшиеся тяжелой психической травме взрослые могут «вложить» травматизированный образ себя в формирующуюся идентичность своих детей. В результате дети становятся носителями ущербного родительского образа (=самости), хотя этот образ может существенно варьировать в зависимости от сопутствующих экономических, социальных и прочих условий. После массовой травмы (вызванной враждебной группой) сотни, тысячи или даже миллионы индивидов вкладывают свои травматизированные образы в детей, и в итоге возникает кумулятивный эффект, который определяет психическое содержание идентичности большой группы. При этом, все эти «вложенные образы» ассоциативно связаны с одним и тем же травматическим событием. «Общая задача» заключается в том, чтобы сохранить «память» о травме родителей, оплакать их утраты,отреагировать их унижение или (если первое не удастся) - отомстить за них. Однако, какие бы формы не приобретало проявление памяти о травме в последующих поколениях, основной задачей остается сохранение ментального представления о травме предков, которое постоянно (на протяжении десятилетий и столетий) укрепляет особую идентичность той или иной (ранее подвергшейся массовой или исторической травматизации) большой группы. Вамик Волкан назвал такие ментальные представления «избранной травмой» большой группы. И в ситуациях, когда этой большой группе угрожает новый этнический, национальный, экономический, политический или религиозный кризис, ее лидеры (интуитивно или осознанно) обращаются именно к этой «избранной травме», обладающей особым потенциалом для достижения эмоциональной консолидации группы (всегда гораздо более мощной, чем любая идеологическая).

Пример из «практики»

В качестве «отдаленного» примера можно привести события в Югославии перед первым пост-советским «конфликтом» между сербами и боснийскими мусульманами. Оказавшись в определенном смысле брошенными братьями-славянами в результате крушения социалистического лагеря, сербское массовое сознание явилось наиболее демонстративным примером функционирования такой «избранной травмы». В 1998 году С.Милошевич и его окружение начинают активно пропагандировать и эксплуатировать «память» о битве в Косово. В результате огромная группа людей (мусульман), с которыми сербы относительно мирно жили как единый народ Югославии на протяжении всех последних десятилетий, стали «виновниками» всех бед и «легитимной» мишенью ненависти сербов. Напомним, что битва в Косово состоялась 28 июня 1389 года (!). В преддверии 600-летия этой битвы, при поддержке официальных властей были эксгумированы останки легендарного сербского князя Лазаря, захваченного в плен и убитого при Косово. В течение года перед началом (тогда еще – «сербско-боснийской» резни, в отличие от нынешней – 2004 года – «албанско-сербской») гроб перевозили из одной сербской деревни в другую, и в каждой происходило нечто вроде церемонии погребения. Этот, казалось бы, безобидный «ритуал» вызвал «сдвиг во времени»:

национальные чувства сербов начали действовать таким образом, как если бы Лазарь был убит вчера, а не 600 лет тому назад. Произошло то, что в психоанализе обычно определяется как «сгущение» чувств и времени в сочетании с регрессом к более ранним (исторически более ранним) видам отреагирования. Тревожность, вызванная текущими событиями, особенно – в связи с экономической и политической нестабильностью, которая последовала за падением социалистического лагеря перемешалась с памятью о прошлом и неотреагированной мстью. В итоге боснийские мусульмане, а затем и албанцы (также мусульмане) стали восприниматься как виновники всех исторических бед сербов, что «лигитимизировало» любые формы мести: сербы начали убивать, грабить, насилловать - практически с реальной средневековой жестокостью. В 2004 году тревожные взгляды всего мира снова обратились к Косово, где теперь реализовался обратный процесс.

О трансляции криминального опыта

Я не буду приводить других примеров или проводить параллели. Они достаточно очевидны. Завершая, я должен сказать, что ни в коей мере не пытаюсь прямо или косвенно (объяснительно) оправдать терроризм, как крайнее выражение межнационального конфликта, даже признавая, что это «способ борьбы слабого». Более того, я последовательно придерживаюсь принципа, что любой террорист должен быть вне закона. Моя цель принципиально иная – понять истоки насилия и терроризма с точки зрения глубинной психологии и тем самым найти путь к минимизации терроризма как такового, а также поиск путей, которые позволили бы лишить терроризм его психологической подпитки и социальной базы, из которой он последовательно черпает силы и сторонников. Моя цель – чтобы те мальчики и девочки, которые родились только сегодня или вчера, или родятся завтра, к какой бы национальности или этносу они не принадлежали, нашими общими усилиями могли быть ограждены от «трансляции» криминального и полукриминального опыта предшествующих поколений и не пополняли ряды террористов. Я уверен, что эта задача решаема, но никак не в результате «молниеносных» операций устрашения, за которыми скрывается та же «паранойя». О том, как бы действовал в такой ситуации психотерапевт и возможных терапевтических интервенциях при массовой психической травме с учетом собственного опыта и работ зарубежных специалистов будет сказано в основном тексте доклада.

О нашей обреченности

Здесь многое осталось недописанным и недодуманным. Попытка более или менее осмыслить и убедительно связать множество разрозненных знаний, понятий и подходов потребовала нескольких лет работы. Но и сейчас я остаюсь в полной неуверенности, что мне удалось прояснить эти идеи и – что буду понят. Я еще могу отчасти претендовать на понимание коллег-психопатологов, но боюсь, что был недостаточно убедительным для тех, кто осуществляет те или иные социальные проекты, планирует и ведет переговорные процессы. Я уверен только в одном, что в нашем далеко не простом мире мы обречены не на эскалацию конфронтации, а на диалог и понимание.